

ПРИ ЗНАКОМСТВЕ с вице-директором Венской штаатсоперы господином Холендером мне показалось, что улыбка на его лице не совпадает с выражением глаз. Но вскоре я забыла об этом. Начался разговор. Динамичный и... напряженный.

— Я слушала у вас «Манон Леско». Постановка очень интересная. И оркестр прекрасно звучал. И, конечно, исполнители ведущих партий — великолепны. А еще я была приятно удивлена: на спектакле по крайней мере половина зрителей — молодежь. Как вам это удается?

— У нас много дешевых входных билетов, то есть «стоячих», и молодые охотно посещают оперные спектакли. А главное — у нас с детства готовят к восприятию серьезной музыки.

— Господин Холендер, какие классические традиции сохранила венская опера? Идет ли поиск новых форм в постановке классики, или, наоборот, стараются восстановить классические формы прошлого века?

— Во всех театральных постановках в большей или меньшей степени сохраняются традиции Станиславского.

Сейчас, за последние двадцать — двадцать пять лет, значительную роль стали играть режиссеры — постановщики спектаклей. Например, уже могут говорить не о композиторе Вагнере, а о постановщике Шеро или, допустим, не об авторе произведения, а о режиссере Любимове. Мы стараемся в последнее время найти «золотую середину», то есть сочетать классические традиции с новыми средствами постановки, на уровне сегодняшнего понимания.

— Любимов что-то ставил здесь?

— Нет, я видел поставленные им «Фиделио» в Штутгарте и «Рейнгольд» в Лондоне.

— Слушала у вас «Манон Леско», я обратила внимание на то, что опера исполнялась на итальянском языке. Для вашего театра это случайность или закономерность?

— В настоящее время во всех крупных театрах мира оперы в основном исполняются на языке оригинала. Безусловно, встречаются и исключения. Так, например, у нас, в Венской штаатсопере, опера «Евгений Онегин» исполнялась сначала на немецком языке, а режиссер ее поют на русском.

— Я слышала, что и «Хованщина» у вас идет уже на русском языке. Ее ставил русский постановщик?

— Опера исполняется на русском языке, это верно. Но наряду с русскими исполнителями ее и другие поют по-русски. А режиссер-постановщик — Артур Кирхнер из ФРГ. Как я заметил, ни в одном крупном оперном театре на Западе не приглашаются русские режиссеры для поста-

новки русских опер в той традиционной манере исполнения, в какой уже в течение многих-многих лет они ставятся в Большом театре.

— Очевидно, у нас несоответствие между голосовыми данными наших «звезд» и нашей режиссурой. Видимо, еще и потому, что наши режиссеры — это режиссеры прошлого, а в то время как наши дирижеры котируются очень высоко, наравне с нашими оперными «звездами».

— А у нас все совсем наоборот: певцы более консервативны, чем режиссеры. Но я знаю, я сам это заметил, когда был в

Советском Союзе, что даже в Москве очень различаются между собой Большой театр и Театр Станиславского. Большая разница между Москвой и провинцией. Провинция более прогрессивна в этом отношении.

— Вы можете пригласить международную «звезду»?

— Мы ищем хороших певцов в разных странах. Сейчас мы пытаемся создать такой ансамбль, чтобы это был действительно ансамбль, а не собрание «звезд». В последнее время ведем переговоры о заключении контрактов и с молодыми певцами, но это нелегкая задача. — вице-директор тяжело вздохнул. После длительной паузы он продолжал:

— С помощью различных организаций мы пытаемся привлечь молодых советских исполнителей для прослушивания в Венской опере и возможного впоследствии заключения контрактов с ними. Не так давно вместе с генеральным секретарем Всеобщего союза венских театров господином Шольтаном я был в Советском Союзе и мы встречались с компетентными лицами. Я благодарен всем, кто нам помог встретиться с известными исполнителями — Атлантовым, Нестеренко, с их искусством. Но я был поражен: у молодых советских певцов, даже совсем неизвестных, огромная тяга к деньгам. Разговор сразу ведется о сумме, превышающей обусловленную контрактом. Сознаться, это для нас было неприятным обстоятельством.

Беседуя с господином Холендером, я ощущала его раздражение, которое, как мне показалось, с трудом скрывала улыбка.

Но европейцы — народ воспитанный, тем более человек, который руководит одним из самых крупных оперных театров Европы.

Вопросы свои я задавала осторожно, боясь, что может лопнуть невидимая нить, соединяющая нас.

— А как обусловлены параграфы контракта? Гонорар получают за каждый спектакль или в общей сумме? Если контракт заключается на сезон, в нем оговорено, сколько раз в месяц исполнитель должен спеть?

— Я понял вас. Существуют два вида

ГОСТИНАЯ «МК»

Господин Холендер *Моск. Коллежмоссес - 1989 - 170км.* огорчен

контрактов. С такими известными певцами, как Нестеренко, Атлантов, Бурчуладзе, Архипова и другими «звездами», контракт заключается с указанием суммы за каждое выступление в каждом спектакле. Но мы считаем, что такие условия не соответствуют положению молодых, у которых нет своего репертуара. Мы хотели бы заключить с ними контракт, допустим, на четыре месяца. Причем сумма также достаточно высока, но, естественно, меньше, чем получают «звезды» мирового класса. В какой-то мере подобное отношение оправдано, поскольку молодые певцы еще нигде не известны, кроме, может быть, своего родного города.

— Наверное, имеется в виду, что нельзя начинать с того, к чему мировые «звезды» шли всю жизнь?

— Конечно, я не думаю, что ко мне придет молодая певица и заговорит о том, что, дескать, Атлантов получает столько-то, а я столько-то. Я был бы безмерно рад, если бы меня, неизвестного, нигде не выступавшего еще певца на два года пригласили бы в «Ла Скала», в Венскую оперу или, скажем, Кировский театр, и я бы в начальной стадии своей карьеры пел главные партии хотя бы несколько месяцев. Может быть, это национальная черта русских: если кто-то получает больше, то почему я должен получать меньше?.. Но у меня, так сказать, капиталистический образ мыслей...

— Может быть, это от того, что у них нет уверенности в своем будущем. Они еще не встали на тот пьедестал, на котором можно держаться, а культуры не хва-

тает, чтобы не схватить всего сразу. Они боятся, что потом не будет ни Венской оперы, ни Метрополитен-оперы, ни «Ла Скала». Они хотят все сделать сегодня. По-моему, причина в этом. Но, чтобы стать жемчужиной, одного таланта мало. Надо быть личностью, надо каторжно трудиться. Конечно, удача не последнее дело.

— Недавно через Госконцерт я получил жесткий ответ от молодой советской певицы, что если она не получит по контракту столько же, сколько и Образцова, она не будет выступать в Венской опере.

— А сколько ей лет?

— Двадцать восьми.... Впервые я услышал Атлантова в Софии, где он тогда получил первый приз на конкурсе молодых исполнителей, это было около пятнадцати лет назад. Если бы я ему тогда предложил контракт, который я сейчас предлагаю молодой певице, то, думаю, он бы в Вену пешком пришел...

— МНЕ кажется, что на сцене Большого театра вы могли бы рядом своих спектаклей блистательно показать, какой должна быть современная опера. Думаю, нам бы пригодились ваша модель, ваш конкретный пример.

— Гастроли — это очень сложно, дорого и представляет собой совокупность совершенно различных мероприятий. Но верно и то, что в Австрию приезжает гораздо больше исполнителей из Советского Союза, чем из Вены — в Советский Союз. И это один из неприятных моментов. Гастроли, особенно Венской оперы, — это очень большое дело, которое готовится не сразу...

...Господин Холендер выдал накопившийся в нем заряд огорчения и обиды, обиды не за себя, не за свой театр, а за искусство, подлинное и непроданное, которому он столько лет служит.

Мы расстались без неприязни, я бы сказала, даже со взаимным расположением. Глаза господина Холендера оттаяли, и выражение лица его изменилось. Но огорчение и обида остались, обида на тех, кто, бросая тень на нашу молодежь, омрачает взаимное творческое сотрудничество.

Кира ВЛАДИНА.

Фото автора.